

Во-вторых, сочинение Златоуста очень важно для изучения ломки старой системы ценностей. Не рабовладение и не богатство представляется оратору главным злом современного ему общества — с этим он может примириться, и та среда, в которую он помещает идеального воспитателя, — состоятельная рабовладельческая среда. Его инвективы направлены прежде всего против античных форм социальных связей, против общественных функций гражданина (отсюда насмешки над устройством игр, с которых начинается трактат), против родовых связей (не следует давать детям имена предков — стр. 146.648—650), против осмысления богатства как показателя социальной чести (стр. 92.196—202). В воспитательной системе Златоуста, как она предстает из трактата, нет места для привития общественных функций, обязанностей, дружбы — все заменяется моральным совершенствованием, благочестием, целомудрием, т. е. сугубо индивидуалистскими качествами. Идеал Златоуста — не социально-политическая реформа общества, а воспитание человека, который с максимальным эффектом мог бы достичь самоотчуждения от общества.

В предисловии к изданию Малэнгрей сохраняется (помимо анализа рукописной традиции) на двух вопросах. Во-первых, она убедительно обосновывает тезис о подлинности трактата, в чем еще в 1939 г. сомневался Д. Морантис (стр. 13—40). Поскольку главным аргументом Морантиса было утверждение, будто образная система и лексика трактата далеки от манеры Златоуста, издательница в подробном комментарии всякий раз отмечает параллели из других сочинений этого автора. Что касается стилистических шероховатостей текста, то Малэнгрей объясняет их тем, что трактат дошел до нас в черновой записи, не отшлифованной Златоустом. Во-вторых, она рассматривает вопрос о дате трактата (стр. 41—47) и склоняется к тому, чтобы датировать его концом 393—началом 394 г. Основным доказательством служат для Малэнгрей намеки на церковные распри в Антиохии между сторонниками Флавиана и Евагрия, — впрочем, намеки эти довольно расплывчаты. Со своей стороны я хотел бы обратить внимание на одну аллюзию Златоуста, которая осталась вне поля зрения исследовательницы. Говоря об устах воспитанного юноши, писатель называет их золотыми воротами (θύρας . . . χρυσῆς); через эти ворота (τῶν πυλῶν) не проходит никто, кроме царя (стр. 118. 385—394). Нельзя ли усмотреть в этом пассаже намек на Золотые ворота в Константинополе? Как известно, латинская надпись на Золотых воротах гласит, что они были воздвигнуты Феодосием после победы над «тираном», и сулит установление золотого века. Obviously эту надпись относят к Феодосию II и связывают с победой Аспара над мятежным примыкирием Иоанном в 423 г.⁸ Если это так, Златоуст, конечно, не мог знать константинопольских Золотых ворот, но, может быть, все-таки надпись принадлежала Феодосию I и была составлена по случаю разгрома узурпатора Максима в 388 г., к моменту возвращения Феодосия I из похода в Италию, где он был до 391 г. Кстати сказать, в отличие от Феодосия II его дед сам возглавлял войска против «тирана» и одержал над ним победу. Если Златоуст читал свой трактат через несколько лет после 391 г., то Золотые ворота должны были быть еще у всех на устах.

Хороший перевод, комментарий и обширный указатель облегчают изучение текста.

А. К.

Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte, hg. von G. Ch. Hansen. Akademie-Verlag. Berlin, 1971, XLI+228 S.

«Церковная история» Феодора Чтеца (Анагноста), написанная в начале VI в., пользовалась в свое время широкой известностью как в греческих, так и в латинских кругах Средиземноморья. Тем удивительнее, что ее подлинный текст до нас не дошел. Г. Х. Хансен как бы собрал эту книгу, сложив ее из многочисленных и разнообразных фрагментов.

Книга Феодора состоит из двух частей. Первая, так называемая «Трехсоставная история» (*Historia tripartita*), излагающая историю христианской церкви в 305—439 гг. — компиляция из трех авторов: Сократа, Созомена и Феодорита. Она практически не имеет самостоятельного значения, хотя оказывается весьма полезной при критическом восстановлении их сочинений. Лишь в отдельных местах можно проследить стилистические поправки, изменения, вызванные догматическими соображениями, разъяснения и дополнения самого Феодора Чтеца, в том числе романтическую легенду о христианке Мавии, попавшей в плен к арабам, полюбившейся шейху бедуинов и ставшей в конце концов арабской правительницей (стр. XV и сл.). Первая половина «Трехсоставной истории» (кн. I—II) дошла в Венецианской рукописи XIII—XIV вв. (Marc. 344). Кроме того сохранился латинский перевод Епифания, выполненный

⁸ *R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964, p. 269 sq.* Недавно П. Шпек дал новое истолкование надписи: по его мнению, в ней идет речь не о завершении, а лишь об украшении Золотых ворот при Феодосии II. Впрочем, и Шпек считает невозможным, чтобы ворота были воздвигнуты при Феодосии I, ранее стены (*P. Speck. Der Mauerbau in 60 Tagen. — Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. München, 1973, S. 141 f.*). Златоуст мог иметь в виду и Золотые ворота в Антиохии.

в 560 г. по заказу Кассиодора (факт столь быстрой «передачи информации» на Запад весьма показателен для культурной атмосферы Византии середины VI в.), а также сокращенный пересказ в так называемой «Церковноисторической эпитоме» начала VII в., которая включала помимо того, изложение Евсевия Кесарийского и некоторые другие сочинения и фрагменты.

Вторая часть книги Феодора Чтеца — «Церковная история» в собственном смысле слова — охватывает период 439—527 гг., являясь прямым продолжением «Трехсоставной истории». Именно эта, наиболее ценная часть, основанная на актах соборов и других документах, а также на несохранившихся летописных источниках (следы одного из них проступают у Феодана в рассказе о возмущении исавров в 492 г.), утеряна (стр. XVIII и сл.) и известна только по упомянутой выше эпитоме и отдельным фрагментам у Кирилла Скифопольского, Виктора Тонненского, Иоанна Мосха, Иоанна Дамаскина и др.

Разнородность характера книги Феодора и ее рукописной традиции определили и разнородность издания Хансена. В его основу положен сокращенный текст эпитомы, воспроизводимый по нескольким рукописям (Paris. suppl. 1156, X—XI вв.; Paris, 1555, XIII—XIV вв.; Vatop. 286, XIII в.; Barocc. 142, XIV в. и некоторые другие), подробно описанным в предисловии (стр. XXIV—XXIX). Текст «Трехсоставной истории» по Венецианской рукописи не издается, поскольку он лишь повторяет трех церковных историков. Публикуя эпитому I—II кн. (стр. 1—55), Хансен ограничивается указанием соответствующих параграфов Сократа, Созомена и Феодорита, включенных в компиляцию Феодора Чтеца, а также связующих фраз «Трехсоставной истории» по Венецианской рукописи. Дополнения к тексту Сократа, Созомена и Феодорита, сделанные Феодором Чтецом, выделены в эпитоме особым шрифтом.

Кн. III—IV «Трехсоставной истории» (стр. 56—96) известны нам, как уже было сказано, только по эпитоме. Поэтому сопоставление текста Феодора Чтеца с его источниками носит в этой части сугубо ориентировочный характер: Хансен был лишен возможности текстуально сличить Феодора с его источниками. Издатель, разумеется, приводит и здесь ссылки на соответствующие места Сократа, Созомена или Феодорита.

Собственно «Церковная история» (стр. 96—157) публикуется опять-таки по эпитоме с параллельным приведением всех разнородных и разноязычных (греческих и латинских) фрагментов.

В приложении помещены два фрагмента из церковных историй Геласия Кесарийского (стр. 158 и сл.) и Филиппа Сидского (стр. 160). Книга снабжена обширными указателями (имен, греческих слов, цитированных авторов, фрагментов из Феодора Чтеца в различных сочинениях и авторов, использовавших эпитому). В примечаниях Хансен кратко указывает параллельные свидетельства, приводит даты описанных событий и разъясняет неясные намеки.

Хотя потеря основного текста «Церковной истории» Феодора Чтеца невосполнима, эпитоме ее имеет существенное значение для изучения византийской истории V—начала VI в. Хансен справедливо подчеркивает сужение горизонта, характерное для Феодора (стр. XVIII), что, разумеется, было типичным не для эпохи Юстиниана (как пишет издатель). Но для тех кругов, к которым принадлежал изданный им историк, даже не упоминающий Одоакра, а Теодориха Остготского именующий «африканцем», т. е. вандалом. «Церковная история», использованная многими византийскими хронистами: Феофаном, Георгием Монахом, Симеоном Логофетом (Хансен предпочитает пользоваться его вариантом — хроникой Льва Грамматика) и др., — существовала и для истории византийской хронографии.

А. К.

Ioannis Caminiatae de expugnatione Thessalonicae, rec. G. Böhlig. «Corpus fontium historiae byzantinae», vol. IV. Apud W. de Gruyter et socios. Berolini et Novi Eboraci, 1973, XXXIII+98 p., ill.

Западногерманская византистка Гертруда Балиг критически издала сочинение Иоанна Каминиата. Текст издан по четырем рукописям XV—XVI вв. Пятая известная издателю рукопись — поздний (XIX в.) список, и его чтения не принимаются во внимание. По-видимому, в распоряжении В. И. Григоровича была какая-то иная рукопись этого автора: Б. Л. Фонкич сообщил мне, что в перечне рукописей, принадлежавших Григоровичу (Государственная библиотека им. В. И. Ленина, ф. 86: собрание В. И. Григоровича, п. 2, № 25, л. 26 об.), между Фукидидом и Медицинскими отрывками значится: «36, Каменната 4^о». Следов этой рукописи, впрочем, нет.

От предыдущего издания И. Беккера текст Балиг отличается главным образом более бережным отношением к рукописной традиции: углубленное изучение грамматики Каминиата позволило издательнице в ряде случаев восстановить в правах рукописное чтение, которое казалось Беккеру не отвечающим грамматическим нормам. Но в общем число поправок невелико, а некоторые места, как мне кажется, еще требуют конъектуры.

Стр. 20.80: τοὺς ἀμφὶ τοὺς Σκλαβήνους. Не является ли второе τοὺς лишним? Речь идет о том, что стратег Никита призвал окрестных славян (οἱ ἀμφὶ Σκλαβήνοι) прийти на помощь Солуни. Ср. τῶν πλησιούχων Σκλαβήνων — стр. 19.73.